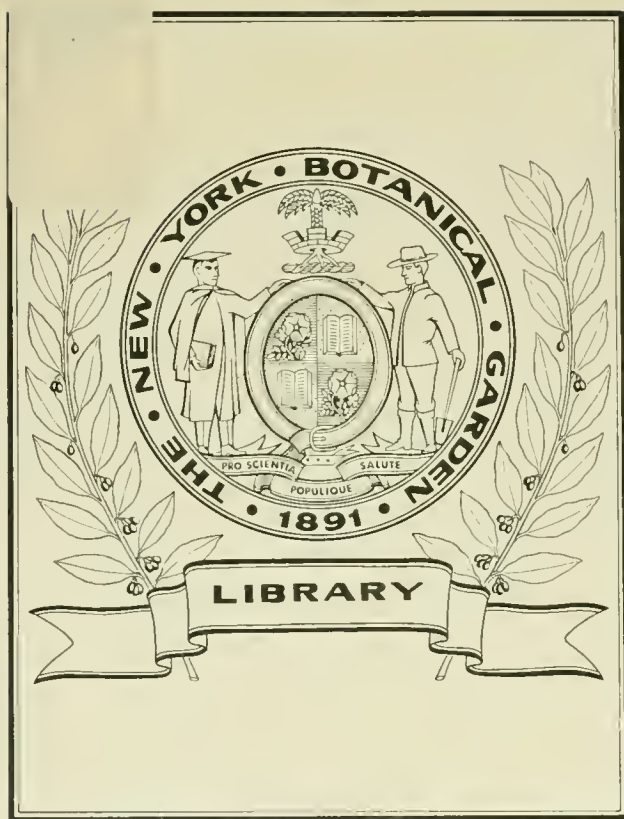

TRUDY
ТРУДЫ
СИБИРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
СИБИРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

IMPERATORSKAGO
ИМПЕРАТОРСКАГО
RUSSKAGO GEOGRAFICHESKAGO OBSHCHESTVA
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

FIZICHESKIY OTDEL
ФИЗИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Tom II
ТОМЪ II.

BOTANICHESKAYA CHAST'
БОТАНИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ.

СОЧ. Ф. Б. ШМИДТА.

Soch. F. B. Schmidt

СЪ 8 ТАВЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ.

СЪ 8 ТАБЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ

S. Peterburg

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія бр. Пантелеевыхъ. Казанская ул., д. № 33.

1874.

372.25

.536

1874

82805

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ОБЩЕСТВО

ОБЩЕСТВО

ОБЩЕСТВО

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОБЩЕСТВО

ОБЩЕСТВО

ОБЩЕСТВО

ОБЩЕСТВО

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Введеніе	1
Амгуно-Буренская флора	7
Метеорологическій дневникъ изъ путешествія по Амгуни и Бурей	14
Нѣкоторые барометрическія опредѣленія высотъ	15
Общій фито-географическій очеркъ	15
Растительныя области	22
Распространеніе важнѣйшихъ деревь	27
Статистическій обзоръ флоры	31
О ботанической коллекціи Редовскаго изъ становаго хребта	33
<i>Спеціальная часть</i>	33
Dicotyledoneae	33
Thalamiflorae	43
Calyciflorae	66
Corolliflorae	66
Monochlamydeae	71
Monocotyledoneae	81
Cryptogamae	84
Объясненіе таблицы I	85
Сахалинская флора	85
Введеніе	87
Географическій обзоръ	89
Замѣтки о климатѣ	91
Подраздѣленія и общій характеръ флоры	98
Статистика и исторія флоры	105
Воздѣлываемыя и полезныя растенія; вліяніе человека на растительность	108
<i>Спеціальная часть</i>	108
Dicotyledoneae	108
Thalamiflorae	131
Calyciflorae	174
Corolliflorae	182
Monochlamydeae	194
Monocotyledoneae	225
Cryptogamae	227
Списокъ мѣстныхъ днородческихъ названій растеній	233
Объясненіе таблицъ II—VIII	

ВВЕДЕНІЕ.

Въ началѣ 1859 года Императорское Русское Географическое Общество поручило мнѣ начальство надъ Физическимъ отдѣломъ большой экспедиціи, снаряженной имъ въ Восточную Сибирь. Главная цѣль моего путешествія должна была заключаться въ геогностическихъ изслѣдованіяхъ области Амура и острова Сахалина. Живой интересъ къ ботаникѣ, еще ранѣе исключительно меня занимавшей, заставилъ меня обратить особенное вниманіе, одновременно съ поставленными мнѣ въ обязанность геогностическими изслѣдованіями на флору посѣщенныхъ мѣстностей, тѣмъ болѣе, что я имѣлъ возможность посвятить большую часть моего времени странамъ, до сихъ поръ еще совершенно неизвѣстнымъ въ ботаническомъ отношеніи. Обработка двухъ семействъ для *Primitia florae amurensis* Максимовича особенно меня къ этому подготовила. Значительную поддержку нашелъ я въ моемъ помощникѣ, въ кандидатѣ ботаники Г. *И. Гленъ*, который, работая по большей части отъ меня отдѣльно, собралъ прекрасныя коллекціи и доставилъ наблюденія, послужившія въ связи съ моими собственными, значительнымъ обогащеніемъ свѣденій нашихъ о растительности здѣшняго края. Здѣсь предлагаются результаты обработки нашихъ собраній и наблюденій, но только изъ тѣхъ областей нашего путешествія, въ которыхъ мы прослѣдили мѣстности новыя для науки и гдѣ мы могли дѣйствовать совершенно самостоятельно. Остальныя коллекціи переданы первому ботанику, — изслѣдовавшему Амурскій край, Г. Максимовичу, которому онѣ послужать къ дальнѣйшей обработкѣ его Амурской флоры.

Въ краткихъ чертахъ ходъ нашего путешествія слѣдующій. — Въ маѣ 1859 года я оставилъ С.-Петербургъ и къ концу іюня прибылъ въ Забайкальскъ, гдѣ и провелъ мѣсяцъ, съ цѣлью изучить окрестности Нерчинска и большую часть Дауріи. Въ августѣ я отправился по Шилкѣ и Амуру къ устью Уссури, куда прибылъ въ началѣ октября. Къ зимѣ я возвратился обратно, въ Благовѣщенскъ, при устьѣ Зей. Весной 1870 года, я отправился по Амуру до Николаевска, котораго и достигъ въ срединѣ мая. Вскорѣ я перебрался отсюда на островъ Сахалинъ, гдѣ, въ продолженіи лѣта, объѣхалъ большую

часть западнаго берега. Въ февралѣ 1861 года, я возвратился черезъ внутренность острова обратно въ Николаевскъ. Отсюда я снова отправился въ маѣ во вновь пріобрѣтенныя владѣнія въ южной Манджуріи, на границѣ съ Кореей, гдѣ и провелъ цѣлое лѣто. Въ сентябрѣ я возвратился обратно сухимъ путемъ, черезъ озеро Ханка, Уссури и по Амуру въ Николаевскъ, гдѣ жилъ въ теченіи цѣлой зимы до небольшихъ экскурсій въ сѣверную часть Сахалина и въ рѣчную область нижней Амчуни. Въ маѣ 1862 года, я снова пустился въ дорогу, поднялся по Амгуни, пересѣкъ Бурейскій хребетъ и прослѣдилъ Бурею, отъ истоковъ ея до устья, куда и прибылъ въ началѣ августа. Мой спутникъ Гленъ оставилъ С.-Петербургъ въ мартѣ 1860 года, въ маѣ прибылъ на верхній Амуръ, спустился по нему внизъ и въ половинѣ іюля достигъ Дуи на Сахалинѣ, гдѣ и провелъ остатокъ лѣта — Здѣсь я встрѣтилъ его на возвратномъ пути съ юга Сахалина и мы вмѣстѣ отправились въ Николаевскъ, который былъ скоро оставленъ имъ еще зимою съ цѣлью еще разъ провести весь 1861 годъ на Сахалинѣ. Онъ посѣтилъ сѣверную часть Сахалина и объѣхалъ весь югъ острова и въ мартѣ 1862 года возвратился обратно въ Николаевскъ. Кромѣ небольшой экскурсіи на гору Огоби, немного ниже Николаевска, онъ посвятилъ послѣднее лѣто верхнему Амуру. Въ сентябрѣ мы встрѣтились съ нимъ и вмѣстѣ совершили обратный путь въ С.-Петербургъ.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, какимъ частямъ путешествія могла прилечь самостоятельная обработка. Это прежде всего — Сахалинъ, на которомъ Гленъ провелъ два года и я одинъ. До сихъ поръ можно было принять этотъ островъ батанически за *terra incognita*. Кромѣ того я подвергъ самостоятельной обработкѣ ботаническую добычу изъ моего путешествія въ Бурейскомъ хребтѣ, такъ какъ она представляетъ единственную, извѣстную до сихъ поръ изъ области Амура, Альпійскую флору. Само собою разумѣется, что наши собранія на самомъ Амурѣ, составляютъ дополненіе къ *Primitiae florae amurensis* и не заслуживаютъ особенной обработки. Уступилъ я точно также обработку моихъ коллекцій изъ южной Манджуріи г. Максимовичу, такъ какъ онъ въ этихъ же самыхъ мѣстахъ, почти только за годъ до меня сдѣлалъ весьма обширныя ботаническія изслѣдованія; и я надѣюсь, что доставилъ ему существенное прибавленіе, тѣмъ болѣе, что сухой путь отъ морскаго берега до озера Ханка, былъ только мною изслѣдованъ ботанически.

Такимъ образомъ въ нижеслѣдующемъ я представляю два отдѣльные другъ отъ друга труда: 1) перечень растений, собранныхъ мною въ путешествіи въ Бурейскомъ хребтѣ, также въ долинахъ Амгуни и Буреи, съ географическимъ введеніемъ и 2) полный трудъ о флорѣ Сахалина.

О необработанныхъ здѣсь частяхъ нашего путешествія я также позволю себѣ присоединить нѣкоторые дальнѣйшія замѣчанія, которыя вмѣстѣ могли бы послужить исходной точкой для позднѣйшаго употребленія нашихъ собраній.

Пребываніе мое въ Дауріи въ іюлѣ 1859 года, представило мнѣ мало новаго, кромѣ *Chamaerhodos mongolica* Bge съ *Адонъ-Челона*; оное было извѣстно

до сихъ поръ, изъ русской флоры. Напротивъ, поѣздка по Шилкѣ и Амуру въ августъ и сентябрѣ этого года представила много фактовъ о дальнѣйшемъ расширеніи нашихъ свѣденій о флорѣ Амура, именно со стороны даурскихъ формъ, которые до сихъ поръ не были еще найдены въ области Амурской флоры. Я пробылъ дней 10 въ Стрѣтенскѣ, въ ожиданіи лодки, подготовляемой для путешествія по рѣкѣ, и собралъ въ это время небольшую коллекцію мѣстной флоры. Точно также, во время поѣздки по Амуру, я старался изслѣдовать всѣ, встрѣчающіяся мнѣ растенія, тѣмъ болѣе, что верхній Амуръ не былъ до сихъ поръ изученъ въ ботаническомъ отношеніи во второй половинѣ лѣта. Къ сожалѣнію, эта самая часть моего собранія не дошла еще до моихъ рукъ.

Изъ растеній, найденныхъ въ осеннее путешествіе, стоитъ упомянуть *Maximowiczia chinensis* со станицы Ольгиной, и Липа — отъ горы Цагайянь; обѣ онѣ раньше были указаны гораздо ниже. Изъ моего собранія весной 1860 года я упомяну о первыхъ весеннихъ растеніяхъ, постепенное появленіе которыхъ я наблюдалъ у станицы Михайло-Семеновской, недалеко отъ устья Сунгари, гдѣ я ожидалъ прохожденія рѣки, случившагося въ этомъ году 14 Апрѣля. Первые цвѣты, которые я нашелъ только что распустившимися 6 Апрѣля на горѣ Урекчѣ, принадлежали растеніямъ: *Adonis amurensis* Regel и *Corylus mandshurica*: за этимъ выступали *Pulsatilla*, *Gagea minima* и *Potentilla Sprengeliana*. Потомъ ниже я собралъ, 23—26 Апрѣля, весеннія цвѣты на устьѣ Уссури, которыя въ этомъ году нужно принять за опоздавшія. Прежде уже въ концѣ Марта находили цвѣтушія фіалки. При моей дальнѣйшей поѣздкѣ до 1 Мая, когда я достигъ устья Горина, я постоянно замѣчалъ прогрессъ въ развитіи растительности; стояли прекрасные теплые дни, а деревья покрылись зеленью. Далѣе по рѣкѣ, на сѣверъ и востокъ, видъ растительности становился все болѣе бѣднымъ и зимнимъ. Когда я пріѣхалъ въ Николаевскъ, 14 Мая, не было видно ни одного цвѣта, ни какого листа на деревьяхъ и горы были скрыты подъ снѣгомъ, который на восточной сторонѣ Бурейскаго хребта исчезъ уже въ концѣ Марта.

Точно также Гленъ во время своего путешествія, по рѣкѣ, въ Маѣ и Іюнѣ 1860 года, собралъ много замѣчательнаго для Амурской флоры; онъ совершалъ также въ началѣ Іюля, въ окрестностяхъ Николаевска, экскурсію на горы по правому берегу рѣки и нашелъ *Acer Mono* и *Dioscorca quinqueloba*, которыя не были извѣстны такъ далеко на сѣверѣ.

Въ Іюнѣ 1862 года онъ совершилъ большую экскурсію на голыя вершины, въ 2000' высоты, горы Угоби и нашелъ тамъ тѣ самыя растенія, на которыя мы указываемъ ниже, какъ на отличительныя для высокихъ горъ области Амгуни,—таковы напр. *Calyptrorhiza Middendorffii* и *Spiraea Pallasii* Regel.

Во второй половинѣ этого года онъ находился на верхнемъ Амурѣ и особенно около Благовѣщенска и Албазина составилъ большую коллекцію.

Maximowiczia chinensis онъ добылъ съ зрѣлыми плодами еще около станицы Бейтоновой, только немного ниже Албазина.

Мое пребываніе въ южной Манджуріи лѣтомъ 1861 года относится къ гаванямъ Св. Ольги, Владивостокъ (Port May), къ порту Дундасъ и Посѣтъ, изъ которыхъ отъ послѣдняго я предпринималъ экскурсію къ пограничному китайскому городу Хунчуну. Въ Ольгѣ я нашелъ вообще южно-амурскую флору, вмѣстѣ съ многими береговыми растеніями, сдѣлавшимися мнѣ извѣстными на Сахалинѣ. Но послѣ хорошо мнѣ знакомаго однообразія Сахалинской флоры, въ Посѣтъ и другихъ южныхъ гаваняхъ, я нашелъ такое изобиліе въ новыхъ для меня формахъ, что сначала растерялся и едва мало по малу пришелъ въ себя, среди новой для меня растительной области. Но, чтобъ не коснуться области изслѣдованій г. Максимовича, обращаюсь къ моему собственному путешествію, проходившему чрезъ страны, еще нетронутыя до сихъ поръ въ ботаническомъ отношеніи.

Въ концѣ Августа я встрѣтился въ заливѣ Посѣта съ Полковникомъ Генеральнаго Штаба Будоговскимъ, который, въ сообществѣ китайскихъ уполномоченныхъ, проводилъ новую государственную границу между русскими владѣніями и Китаемъ отъ озера Ханка до устья р. Тюмень-Ула. Къ сожалѣнію, я не могъ сопровождать эту пограничную комиссію; она прошла чрезъ весьма интересныя гористыя мѣстности, какъ то чрезъ отроги Шанъянъ-алина въ вершинахъ Суйфуна и Хунчуна, и здѣсь опять встрѣтила видъ *Larix* (вѣроятно *dahurica*), котораго нельзя было ожидать такъ далеко на югѣ. Въ тоже время комиссія наталкивалась часто на удаленныхъ китайскихъ поселенцевъ, занимавшихся сборомъ женшена (гинсенга) и воздѣлываніемъ съѣдобныхъ грибовъ для Пекинскаго рынка. Эти грибы хорошо родятся на сгнившихъ дубовыхъ стволахъ, которые нарочно для этой цѣли срубаются.

Обратный путь на озеро Ханка я совѣшилъ въ сообществѣ пограничной комиссіи, избравшей на этотъ разъ прямой путь чрезъ верхній Суйфунъ и степь озера Ханка.

3 Сентября мы оставили портъ Владивостокъ, на большой шлюпкѣ клипера «Разбойникъ», вечеромъ того же дня достигли устья Суйфуна, и остановились пополуни 4 числа, верстъ на 30 выше устья Суйфуна, въ сосѣдствѣ небольшого китайскаго поселенія, Чуанъ-Фанзы, гдѣ насъ ожидали лошади экспедиціи, пришедшія сухопутьемъ изъ залива Посѣтъ. Мы стояли на этомъ пунктѣ до 12 Сентября и поэтому я имѣлъ возможность изучить окрестности и собрать ихъ флору.

Долина Суйфуна достигаетъ здѣсь около версты ширины и повременамъ затопляется разливами. Тѣмъ не менѣе весьма мало было видно безлѣсныхъ болотистыхъ низменностей, а на этихъ господствовала *Imperata sachariflora*, бѣлой лентой окаймляющая ручьи и повсюду, начиная съ горъ, бросающаяся въ глаза; большая часть протяженія была покрыта кустарниками

и деревьями, какъ *Fraxinus* и *Juglans mandshurica*, *Phellodendron*, *Ulmus* sp., *Pyrus ussuriensis* и т. д., подъ кровомъ ихъ росли *Menispermum dahuricum* и *Smilax* sp; по деревьямъ вился *Vitis amurensis* съ его стволомъ, толщиною въ руку и футовъ на 40 въ высоту. Окраины долины были заняты пологими, низкими горами, изъ которыхъ наиболѣе высокія восходятъ до 500 ф. Онѣ были увѣнчаны густымъ лиственнымъ лѣсомъ, изъ котораго одиночно выставлялись могучія ели, *Abies holophylla* Max. Лиственные деревья достигали огромнаго разнообразія, какъ вообще въ этихъ странахъ и состояли изъ тѣхъ же самыхъ видовъ, какъ въ береговыхъ мѣстностяхъ, къ югу отсюда лежащихъ: *Acer Mono, tegmentosum* и *septemlobum* Thg., обѣ амурскія липы, два вида ясени, *Betula davurica*, *Carpinus cordata* Bl. *Phellodendron*, *Ulmus* sp., *Panax ricinifolia*, со стволомъ толщиною въ руку, и *Dimorphanthus mandshurica* съ прекраснымъ одно или двухголовымъ стволкомъ, образующимъ шпорокъ листовой щитъ. Въ видѣ подлеска встрѣчаются: сладкій виноградъ, который въ низу долины такой же кислый на вкусъ, какъ амурскій; три вида *Trochostigma*, изъ которыхъ два неизвѣстны были до сихъ поръ въ Амурскомъ краю; *T. arguta* S. et. Z (юань-дзаузи по-кит.) имѣющій большіе блестящіе листья, сладкіе яйцевидные плоды и крѣпкій ползучій стволъ, чрезъ изгибы котораго только съ помощію топора можно проложить себѣ дорогу; и *T. polygama* S et. Z (по-кит. хаолдзао) съ болѣе слабымъ стволомъ, съ длинными заостренными листьями, съ острыми, рѣзкими на вкусъ плодами, которые, однако, по словамъ Китайцевъ, становятся болѣе вкусными въ случаѣ, если бываютъ захвачены морозомъ; кромѣ этого *Deutzia parviflora* и *Lespedeza bicolor*, покрывающая почву въ наиболѣе свѣтлыхъ мѣстахъ, съ обоими *Plectranthus* области Амура. Въ темныхъ же мѣстахъ, напротивъ, между покровомъ изъ густой лѣтвы *Carpinus*'а разстилается *Chloranthus mandshuricus* и показывается красивый папоротникъ *Camptosorus* и видъ *Scolopendrium*.

Еще я долженъ замѣтить, что во время моего пребыванія въ Чуань-Фанзѣ, на Суйфунѣ, одинъ тамошній китаецъ привелъ меня въ темную ложбину, гдѣ на моихъ глазахъ вырылъ четыре экземпляра настоящаго *Panax Ginseng* (здѣсь выговаривается точно—гинсенгъ) и продалъ мнѣ ихъ за 8 руб. сер. Къ сожалѣнію, это были только листовые экземпляры. Такимъ образомъ я былъ первымъ ботаникомъ, видѣвшимъ гинсенгъ растущимъ несомнѣнно въ дикомъ состояніи.

12 Сентября мы разстались съ Чуань-Фанзой и послѣдовали по лѣсистой долинѣ Суйфуна до Фанзы Суань-Чинзе, около устья Шуфана, гдѣ Суйфунъ образуетъ колѣно и переходитъ изъ его до сихъ поръ юго-восточнаго верхняго теченія въ южное нижнее. Сюда мы пріѣхали вечеромъ 13 Сентября и 14 начали странствованіе чрезъ волнообразные луга, лежащіе между Суйфуномъ и оз. Ханка. Теперь все представлялось безлѣсной равниной, прерываемой только болотистыми рѣчными низменностями; далеко на западъ